

**«Обреченный человек» Зотов
(по рассказу И.А.Бунина «Соотечественник»)**

Одним из характерных типов героев прозы Бунина 1914-1916 гг. является тип «обреченного человека». Это определение мы взяли из самохарактеристики Зотова, героя рассказа «Соотечественник» (1916), написанного под впечатлением поездки Бунина на Цейлон.

По жанру это рассказ-портрет с сюжетом судьбы одного героя, в образе которого отразились, по признанию писателя, «некоторые черты тамошнего русского консула» [1: 672]. Однако Бунин с его пророческим даром увидел в этих индивидуальных чертах, с одной стороны, типическое, характерное для эпохи расцвета капитализма, с другой стороны, – общечеловеческие тенденции и создал образ большой обобщающей силы – образ-тип.

Поначалу Зотов как, несомненно, талантливый человек, вызывает удивление и даже некоторое восхищение рассказчика «своей деловитостью», «решительным и скептическим умом», «огромным житейским опытом», «несметными знакомствами с людьми самых разнообразных классов и положений» [1: 133], «заражает своей смелостью, своей энергией» [1: 134]. Это первоначальное впечатление усиливает рассказ одного из приятелей Зотова о его судьбе: о том, как простой крестьянский мальчишка, привезенный в Москву, пробивался в люди поначалу благодаря протекции своего дяди, позже – благодаря личной живости, талантливости, а главное, – труду и упорству. Однако дальнейшая судьба героя, его стремительное изменение, поступки вызывают у рассказчика уже иные чувства и нравственные характеристики.

Начинающаяся деформация души Зотова обнаруживается уже в черной неблагодарности по отношению к Нечаеву, умному богатому купцу, воспитателю и покровителю, благодаря которому Зотов вышел в люди, учился за границей, в Германии: «После заграничной выучки он работал дома и пользовался неограниченным доверием своего воспитателя. Но в самостоятельности он уже не хотел знать меры, равно как и в тратах. Посланный в Среднюю Азию, он вдруг, по какому-то пустому поводу, поссорился, порвал все связи с Нечаевым – и сразу превратился в человека, ровно и твердо шедшего в гору, чуть не в искателя приключений» [1: 134].

Знакомство с Зотовыми и встреча с ним позволяют рассказчику увидеть в бывшем соотечественнике еще одну темную сторону его личности – постоянное стремление опьянить себя: «Но слушая его, дивясь

ему, глядишь на него и думаешь: да, но ведь он пьян, пьян! Он всегда во хмелю – от нервности, от жары, от табаку, от виски» [1: 134].

Описание встречи рассказчика с соотечественником и дня, проведенного с ним, пронизано мотивами хмеля, опьянения: «Вино очень холодное, и оба жадно пьют его, быстро хмелея» [1: 136]. «Я целых два часа ничем не отравлялся, ничего не пил, не курил и потому смертельно умирался», – признается Зотов собеседнику [1: 136]. Жадность, с которой Зотов пьет вино, быстро наступающее хмельное состояние, нервная манера курения («бросает одну папиросу и тут же закуривает другую») свидетельствуют о некоей ненормальности его внутреннего состояния, о желании «отключить» сознание, заглушить что-то в себе.

Но, прежде всего, к темной стороне личности Зотова относится «жадность к земному» – один из основных отличительных признаков обреченного человека в художественном мире Бунина. Для Зотова главными ценностями в жизни являются деньги и жажда обогащения. Его движение по жизни после «освобождения» от покровителя и обретения самостоятельности – это жадное, беспорядочное движение, имеющее целью быстрое обогащение и желание испытать себя на этом поприще: «Он изъездил всю Сибирь, побывал на Амуре, в Китае, сгорая нетерпением начать какое-нибудь собственное дело, – такое, которое привело бы его к обогащению. Кончил он тем, что ввязался в большое чайное дело, устроив себе еще две службы, и вот уже шестой год пребывает здесь, в тропиках, облеченный немалыми полномочиями...» [1: 134].

В нескольких кратких авторских комментариях Бунин подчеркивает, что, осознавая свою одаренность и талантливость, Зотов начинает высокомерно и презрительно относиться к окружающим: «У него все идиоты» [1: 133], «...уж слишком всезнающим, чуть не проходимцем казался он некоторым из тех дельцов Сибири и Маньчжурии, с которыми так быстро сходилась он, которых очаровывал на первых порах своей любезностью и общительностью, своими замашками человека, привыкшего жить на широкую ногу, понимающего толк решительно во всем...» [1: 135].

Однако при всей талантливости, энергичности, деловитости, самоуверенности, смелости, удачливости этот человек, прошедший, по словам его приятеля, огонь, воду и медные трубы, предстает глубоко неудовлетворенным своей жизнью, болезненно возбужденным, а порой кажется смертельно больным. Колоссальная жадность к земному при несомненной одаренности делает Зотова почти ненормальным человеком, что постоянно проявляется в его портретных зарисовках и характеристиках: «бледный и энергично-возбужденный, даже просто шаль-

ной, – от зноя, нервности, постоянного хмеля и деловитости» [1: 132]. Рисуя портрет Зотова, Бунин несколько раз повторяет детали, подчеркивающие эту «болезнь» героя: «бледный», «меловое лицо», «просто шальной», «болезненные ощущения». Еще одна повторяющаяся деталь портрета Зотова, приобретающая символическое значение, – черные очки. Подчеркнем, что это не черная оправа очков для чтения, а именно солнцезащитные очки с черными стеклами. Эти детали портрета Зотова настолько выразительны, что поражают рассказчика: «Когда приезжают в ресторан, лицо у него меловое, и черные очки очень страшны на этом лице» [1: 136].

В последней портретной характеристике в конце рассказа Бунин вновь использует эту деталь, создавая поистине символический образ смертельно больного человека или даже мертвой души: Зотов смотрит на собеседника не глазами, «а своими черными очками!» [1: 138].

Важно отметить, что в Зотове еще живо самосознание, он начинает ощущать бессмысленность, «неправильность», а, может быть, и греховность своей жизни. Не случайно, конечно, Бунин приводит своего героя к храму – буддийскому монастырю. Ведь приход в храм как сакральный центр города-мира и поведение в нем очень важны для понимания отношения героя к Богу как к высшему началу в мире. «Войдя в темное маленькое святилище, соотечественники снимают мокрые от пота, холодные внутри шлемы. Жрец пальцем указывает на головы и мотает им: этого, мол, не требуется.

- Много ты понимаешь, дурак! – говорит Зотов по-русски и долго, с какой-то странной серьезностью, глядит на двухсаженную деревянную статую...» [1: 136]. Странная серьезность, которая охватывает героя в буддийском храме и на которую обращает наше внимание Бунин, – несомненно, знак того, что в этом «до наглости смелом человеке» [1: 134] еще живо или только рождается религиозное чувство, ощущение чего-то высшего, святого в жизни. Взволнованный монолог Зотова, занимающий последнюю треть рассказа, подтверждает это. Сначала в этом монологе звучит почти признание в собственном «сумасшествии». «В этом климате сам черт сойдет с ума», – как будто оправдываясь, говорит Зотов. И вдруг уже совсем неожиданно для «проходимца», для самоуверенного человека, у которого «все идиоты», начинает говорить о буддизме как об «ужасающем в своей непреложной мудрости учении» [1: 137]. Важно и то, что Зотов осознает мудрость буддизма, и то, что буддизм ужасает Зотова необходимостью обуздывать свои желания, что для героя с его жадностью к земному уже просто невыносимо.

Талант, жажда богатства приводят к «прирастанию» героя к зем-

ным благам, к опустошению его души. И поэтому небо пугает Зотова, он видит в нем не Бога, не путеводную звезду, не красоту бездонного звездного простора, а бездну, «безмерное, недоступное нашему разуму Ничто» [1: 137], «траурные пролеты в бесконечность мировых пространств» [1: 137]. «Да, да, – восклицает он настойчиво, уставясь на гостя своими черными очками, – совершенно пуст был небосклон...» [1: 137]. Небо оказывается для Зотова пустым – ведь в его мире нет Бога. И это самый главный и самый страшный признак обреченного человека в художественном мире Бунина.

Описание жизни Зотова при всей ее безумной внешней наполненности пронизано мотивами лихорадочности, бессмысленности его существования. Неудовлетворенность жизнью и болезнь души настолько сильны, что приводят этого исключительно успешного человека к мыслям о самоубийстве. Рассказ завершается знаменательным признанием Зотова: «...И вообще, я человек обреченный... Если бы вы знали, как страшно запутаны мои дела! Еще больше, кажется, чем душа и мысли! Ну, да из всего есть выход. Дернул собачку револьвера, поглубже всунул его в рот, – все эти дела, мысли и чувства разлетятся к чертовой матери!» [1: 138].

Подобных обреченных героев много в прозе Бунина, особенно в период с 1910 по 1916 гг. С полным правом к этому типу можно отнести Тихона Красова и многих дурновцев из «Деревни», англичанина, старого и молодого рикш из «Братьев», капитана из «Снов Чанга» и многих других.

Кульминационным в развитии темы обреченного человека предстает знаменитый рассказ «Господин из Сан-Франциско», высоко оцененный уже современниками Бунина.

Жажда обогащения, жадность к земным благам, удовольствиям и комфорту настолько деформируют человеческую личность, что вытесняют в господине из Сан-Франциско и людях его круга все прекрасное человеческое. Фундаментальной чертой этого персонажа является «почти полное отсутствие человеческих чувств и автоматизм их оставшихся рудиментов («Yes, com in... Yes... Yes... Go away», – равномерно произносит наш элитарный герой почти в любых обыденных ситуациях)... Герой вполне напоминает некоего робота, манекена, делающего деньги...» [2: 135]. Характеризуя господина из Сан-Франциско, Ю.В. Мамлеев называет этого персонажа «монстром нового типа, который еще не проявлялся в предыдущих цивилизациях, монстром не извращения всего человеческого, а отсутствия всего человеческого» [2: 137].

Разница между названными героями указанного типа лишь в том,

осознают они свою обреченность или даже не задумываются о ней, на какой ступени развития и самосознания или саморазрушения и деградации они находятся. Повторяемость, типичность таких героев – несомненно, свидетельство нравственной болезни общества и всего человечества, которую и описал в своих произведениях Бунин.

Остается пожелать современным «господам» из Сан-Франциско, Лондона, Москвы и т.д. прочитать пророческие рассказы Ивана Алексеевича Бунина.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т.4. М.: Художественная литература, 1988.
2. Мамлеев Ю.В. Смерть в творчестве Бунина («Господин из Сан-Франциско») // И.А. Бунин и русская литература XX века. Материалы Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И.А. Бунина. 23-24 окт. 1995 г. М.: Наследие, 1995.